

Вера Петровна Желиховская

Святолесские певцы

Фантастические рассказы

Вера Желиховская
Святолесские певцы

«Public Domain»

1896

Желиховская В. П.

Святолесские певцы / В. П. Желиховская — «Public Domain»,
1896 — (Фантастические рассказы)

Я долго не могла добиться, почему это место называлось «выпетым». Кто его выпевал? Никто не знал и сказать мне не мог, пока не познакомилась я с одною старою-престарою старушкой помещицей, которая заявила мне, что знает хорошо предание о Святолесской Выпето́й церкви; что у неё хранится даже о нём рассказ – семейная рукопись чуть ли не прадеда её. Эту рукопись она показала мне, а я, переписывая её, постаралась только немного поновить её слог, придерживаясь по возможности близко подлинному рассказу.

Содержание

I	6
II	7
III	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Вера Петровна Желиховская

Святолесские певцы

Старинное предание

*Дела стародавних, далёких времён,
Преданья невянущей славы!*
А. К. Толстой «Песня о походе Владимира на Корсунь»

Несколько лет тому назад привелось мне проводить лето в деревне, на юге России, в очень живописной местности. В окрестностях нам показывали много древних курганов; возле озера, в красивом дубовом лесу уцелели ещё многие развалины, по преданию, целого города, по имени которого будто бы и вся эта местность называлась Святолесскою. Неподалёку от озера, среди богатого чернозёмного поля, целая груда камней указывала место церкви, носившей странное название «выпетой». Собственно церкви не было и следа, всего несколько кучек булыжника проросших травой; но местные жители утверждали, что здесь именно, до татарского погрома, стоял древний храм, называвшийся так, и в доказательство пережившего века уважения к этому месту, на нём крестьяне от времени до времени возобновляли простой, неотёсанный, бревенчатый крест. Зимой это место представляло снежный курган, а летом довольно цветущий бугорок, с покосившимся крестом на верхушке.

Я долго не могла добиться, почему это место называлось «выпетым». Кто его выпевал? Никто не знал и сказать мне не мог, пока не познакомилась я с одною старою-престарою старушкой помещицей, которая заявила мне, что знает хорошо предание о Святолесской Выпетой церкви; что у неё хранится даже о нём рассказ – семейная рукопись чуть ли не прадеда её.

Эту рукопись она показала мне, а я, переписывая её, постаралась только немного поновить её слог, придерживаясь по возможности близко подлинному рассказу.

I

Было то давно, не при отцах, не при дедах наших, даже не при прапрадедах, а и того гораздо пораньше. Было это в те времена, когда славные богатыри по святой Руси похаживали; похаживая, дубинками, кистенями помахивали; помахивая, с басурманов головы сымали, из-под семи замков у крылатых змиев клады выкрадывали, у злых кощеев из теремов красных девиц выручали.

В те ли тёмные, дальние дни, свет веры Христовой редкими огоньками по лицу земли Русской теплился. Большая часть людей Перуну грозному кланялася, Дид-Ладо не в одних игрищах да песнях славил, – а что уж Чернобога до того страшилася, что слугам его – кудесникам – работа не переводилась: чрез них и мольбы воссылались, и жертвы идолам приносились.

Чем дальше от первокрещённого Киева, тем реже сияли кресты на храмах Господних, тем чаще вздымались жертвенники в честь языческих богов. От града ко граду не видать было церквей христианских, да и в самих-то градах не велика была истинная паства Господня... Искренних, убеждённых христиан не очень много ещё было.

Однако городок Святолесск, даром что лежал в стороне от проезжего пути к стольному граду Киеву, промеж чёрных, дремучих лесов, за холмами высокими, за песками сыпучими, но величался своим кремлём, с многоглавым собором. И то сказать: мог он точно величаться! Красой его Бог не обидел. Каждый путник, – будь он злой нехристь-татарин, аль крещёный человек, всё одно, – как выходил из-за тёмного леса, да сразу метался в очи ему, на зелёной на горе, по-над озером светлым, городок с пригородьями, валы крепостные с частоколом высоким, а за частоколом собор пятиглавый, озолочённый, воеводский дом, с расписными теремами боярскими, со столбами витыми, крылечками, да резьбой узорною; да как бывало солнышко-то ещё ударит в красу его, да вся она как есть целиком опрокинется в ясное зеркало вод лазоревых, – каждый поневоле остановится и подумает: «Экая краса благодатная!.. Ай да город Святолесск, – залюбуешься!..»

II

Невдалеке от городка, на лесной опушке, был погост с малою часовенкой. Церкви при кладбище не было: куда ещё! Будет что в кремле бревенчатый пятиглавый храм всем на диво вздымался... О новой церкви святолесцы ещё не думали. Покойники побогаче да поважней в городе отпевались, бедные – в часовенке при погосте. А большая часть жителей в обрядах христианских и вовсе нужды не видала; кто просто умерших земле предавал, кто втихомолку курганы над ними вскапывал, тризны языческие по-прежнему правил.

Часовенка при кладбище была заложена временная купчиной богатым. Собирался он на место неё и всю церковь выстроить, потому что уж крепко напуган был: стал купчина помирать, а помереть ему крепко не хотелось. Вот и пообещался он, если выздоровеет, во имя Успения Божией Матери храм на погосте построить. Захворал он как раз об этом празднике, а на самое на Успение с него как рукой хворость сняло... Делать, стало, нечего: приходилось мощной тряхнуть. Заложил он будущую церковь, возле выстроил часовенку, и весь бы храм, статья могла, достроил, да только пришлось ему по делам из городу выехать, – уехал он и был таков! Не стало о нём слуху, не осталось и духу.

Так и пришлось святолесским покойникам одною, во имя Успения, часовенкой пробавляться.

Никто о том не тужил, кроме разве одного попа Киприана, духовника пропавшего купца. Был он человек совестливый и пастырь добрый; мучило его сознание, что восприял он обет духовного своего чада, сам и место для храма святил и первый камень его заложил – и всё то дело вышло облыжное!.. Ему казалось, что сам он отчасти ответствен и виновен в обмане, – хоть не намеренно, а допустил ложный Богу обет... И сокрушался поп Киприан.

Тем горше сокрушался, что не видал себе ни в ком соучастия, и ясно было ему, что сколь много он ни старайся, как усердно ни обращайся к благостыне христианской, – но век не собрать ему казны нужной для построения заложенного храма.

Отец Киприан был родом не русский. Малым ребёнком прибыл он из православной Греции с отцом своим, иереем. Отца его сам князь Владимир Красное Солнышко с другими пастырями выписал из Константинограда. С годами обрусела семья; Киприан женился на дочери природного киевлянина, на красавице Миловиде, во святом крещении названной Любовью, и сам приял священство.

Верно было дано жене Киприановой христианское имя: ни в ком христианское милосердие и чистая любовь не могли горячее гореть, как в сердце этой красавицы, обращённой благочестивым супругом в ревностную христианку.

Бог благословил брак их тремя детьми: дочерьми Верой и Надеждой и сыном Василько. Не могли поп с попадъёй наглядеться на деток своих, души в них не чаяли! И то сказать, все они трое красавцы были писанные, и душой столь же хороши как и обликом.

Надежда с Верой были близнецы и столь сходны, что отличить их, кроме отца с матерью, никто не мог. Даже брат, млаже их на два года, часто их смешивал и смеючись говаривал: «Не всё ль мне едино, кто из вас Вера, кто Надежда?.. Где одна, там и другая! Делить вас нельзя, и люблю я вас равно... Для меня вы обе и матушка – третья – нераздельны. Все вы трое – в единой Любви и Любовь единая!»

И точно! Горячо друг друга любили дети отца Киприана. Брат и сёстры не разлучались и всегда ходили обнявшись, привлекая взоры и улыбки встречных своею миловидностью.

III

У всех троих были чудесные голоса. Отец и мать их научили многим священным напевам; кроме того, поп Киприан выучил своего десятилетнего мальчика играть на гусях. И так они втроём сладко играли и пели, что в праздничные дни, особенно долгими летними вечерами, народ толпами стал собираться под окно поповской избы, чтобы послушать песнь об Иове многострадальном, о чудном спасении трёх отроков в печи огненной, или другое подобное сказание, которые отец Киприан умел искусно в стих перекладывать.

Слушал их народ, заслушивался и уходил умилённый...

И вдруг осенила благочестивого иерея дума: «Не расточаются дары Господни напрасно. Не дана ли мне, в сладостных голосах невинных моих отроков, возможность снять со своей и с чужой души тяжесть невыполненного обета?.. Сам Спаситель учил не зарывать в землю талантов... Пойду-ка я к старцу Евфимию, попрошу его разрешение и, коли он благословит, поставлю у порога моего кружицу для добровольных приношений на построение храма на бедном погосте нашем. Пусть народ слушает пение моих детей и в умилении подаёт, во спасение душ своих, посильные лепты».

И пошёл Киприан в Святолесскую пустынь, в скит отшельника Евфимия. В глухих дебрях лесных основал святой старец одну из первых иноческих обителей на Руси; но вскоре сожителство с несколькими братьями монахами, последовавшими за ним в пустыню, показалось ему тягостною суетой... Удалился он от заложенного им скита в ещё большую глушь дремучего бора; вырыл себе малую пещерку и там спасался в денных и ночных молитвах, видясь только с теми, кто имел до него неотложное дело. Без особой нужды не дерзали нарушать уединение святого старца даже братья его, иноки. По очереди, раз или два в неделю, тайком крадучись, они навещали пустытника; с низким поклоном клали на пороге пещерки его просфору и удалялись, не промолвив ни слова.

Однако тех пришельцев, кои к нему обращались с просьбой: «Благослови, отче, на беседу, во спасение души!», Евфимий осенял крестным знамением, выслушивал и давал наставление.

Радостный возвратился из скита отец Киприан и тотчас принялся за дело.

Перенёс он свою убогую хижину к самому кладбищу; поселясь возле самой часовни, стал безвозмездно совершать все требы: отпевал, хоронил, поминал православных, ничего для себя не требуя, лишь указывая просившим молитв его на вделанную в камень у самого входа в часовенку железную кружицу, с поклоном говоря каждому:

– Не для меня жертвуете, православные, – для себя самих, на построение храма, во имя Пресвятой Матери Господа нашего Иисуса Христа, – по обету здесь заложенного, да не выстроеного.

И давали добрые люди полушки и гривны, – кому сколько в силу-мощь было; давали тем щедрей и охотней, что нигде никто не слыхивал столь сладостного пения, как на служениях отца Киприана. Две дочери и отрок сын служили ему клиром.

Когда же наступали вешние дни, оконца и двери отворялись в поповой избе; семья выходила коротать долгий золотой сумрак на крылечко; туда Василько выносил свои гусли и, присев с сёстрами на ступеньки, первый подавал им голос. Когда юные голоса их разливались в хвале Богу, Создателю утренней и вечерней зари, солнца жаркого, и кроткого месяца, и ясных звёзд что вокруг них зажигались в румяных ещё небесах, – тогда лужайка пред погостом покрывалась народом. Соседи из пригородов и горожане из-под кремля самого стекались послушать дивное пение. Многим казалось, что Божья благодать, мир и любовь нисходят вместе с волнами звуков в смягчённые сердца. Многим хотелось молиться: им чудилось что ангелы Божии сходят с ясных небес и свои голоса примешивают к пению отроков... Полушки и гривны тогда частым

дождиком стучали о дно кружки церковной, и радовалось сердце отца Киприана, слыша стук этот и внемля просьбам народа, говорившего его детям:

«Пойте, отроки Божии! Славьте ещё Отца Вседержителя, и Духа Святого, и Христа-Спасителя, и Пресвятую Матерь Его!.. Добро нам слушать вас! Пойте! А уж мы порадеем на построение храма».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.